

ся", или худые, которых нарекали "шкиля" или более живописно — "шкиля-макарона".

Я даже увидел нескольких знакомых ребят из родной сто седьмой школы, которые тут же отвернулись. Один из них — Витька Ш-р по кличке "Носорог", отбравший у меня титул лучшего певца школы, — держал в руках скрипку, правда, без смычка. Присутствие скрипки, очевидно, было весомым аргументом в пользу артистичного Вити в предстоящем состязании юных талантов.

— Ну вот! — с досадой произнесла бабушка. — Говорила тебе, чтобы утром долго не возился! Видишь, сколько народу?

Да! Конкурентов было действительно довольно много, что, впрочем, меня несколько не смущало, поскольку такие артисты, как я, "на дороге не валяются". Мы уселись на какую-то скамейку в тени небольшого дерева. Впрочем, тень быстро переместилась в другое место, и летнее солнце нещадно припекало мою голову. Не спасала и белая панамка. Напротив нас находился какой-то допотопный одноэтажный барак, где, как мы уже догадались, и будет проводиться отбор в артисты.

Где-то в вышине над нами кружились любопытные чайки, а вдвоя за барак, в просветах между деревьями, угадывался обрыв над морем, а еще дальше — и сама сине-зеленая громада, по которой, судя по легкому ветерку, неторопливо бежали белые барашки волн.

Будущие бабочкины и геловани, чарли чаплины и бернесы с оглушительными воплями играли "в сало", кувыркались в выгоревшей траве и отважно лазили по высоким деревьям. Однако июльский зной делал свое дело, и постепенно голоса утомленных детей затихали, а они, сонные и проголодавшиеся, постепенно возвращались под опеку находящихся здесь же родителей.

— Безобразие! — громко сказала бабушка. — Голодный ребенок томится на жару без питья...

Она достала из черной, как говорят, "выдавшей виды" хозяйственной сумки хлеб, десяток вареных яиц и малосольные огурцы. Я с апетитом начал уничтожать принесенную предусмотрительной бабушкой снедь. Громко хрумкала упругими, как резина, огурцами, запивая их сладким вишневым компотом, оказавшимся весьма кстати. А когда я, уминая очередной огурец, начал разбивать уже шестое яйцо, бабушка, заметив, что на мою живописную "трапезу" начинают обращать "нездоровое" внимание окружающие, раздраженно сказала мне самые грубые по отношению ко мне — и это один-единственный раз на моей памяти! — слова: "Хватит уже жрать! В артисты не возьмут!"

В общем-то, бабушка никогда не говорила грубых слов. Ее самым "страшным" ругательством было выражение "лошадь Петра Великого". Оно обычно нарочито громко адресовалось какой-нибудь даме (с солидной, как правило, комплекцией), нечаянно наступившей бабушке на ногу в очереди или в трамвае. Ездить в троллейбусе бабушка Женя почему-то опасалась.

— Дети! Пройдите, пожалуйста, в помещене! — произнес какой-то мужчина тонким неприятным голосом.

И вот, наконец, вместе с остальными кандидатами на главную кинороль я оказался в вышеупомянутом темноватом барак. Нас построили у стены в линию шеренгу, а напротив на нескольких пыльных и расшатанных стульях разместились, так сказать, оценочная комиссия. Несколько дядек с какой-то загадочной улыбкой, взятой, очевидно, напрокат с шедевра великого Леонардо, напряженно гляделись в юные лица, оценивая, по-видимому, наши фотогеничность и врожденную способность импровизировать перед объективом стрекочущего киноаппарата.

На меня никто упорно не обращал никакого внимания, хотя я преданным собачьим взглядом, не отрывая глаз, смотрел на отборочно-оценочную комиссию. Постепенно в моей душе стала появляться тревога ("Вдруг не возьмут?"), а потом — и какая-то ненависть к этим киношникам, не способным заметить с первого взгляда настоящий талант. Я очень обрадовался, когда в барак зашла ассистент режиссера — та самая Наталья Петровна, правильно оценившая мой артистический дар. Фу-у! Наконец! Она подошла к "главному", сразу же по-свойски обнявшему ее за талию, и кивнула в мою сторону. "Главный" нехотя пробежался сонным взглядом по моей румяной физиономии и — уже в который раз! — обратил свой взор в центр шеренги, где стоял симпатичный стройный паренек. Голова сего отрока была увенчана роскошной — не по возрасту! — шевелюрой, чем-то напоми-

нающей серо-зеленый стог скошенного сена, который я когда-то видел за городом.

"Главный" и его сотоварищи начали переговариваться между собой, проявляя, очевидно, полную солидарность по отношению к кандидатуре на главную кинороль. Эти дебаты продолжались добрую четверть часа, и все это время шеренга из нескольких десятков мальчишек-непосед и одной девочки стояла — на удивление! — неподвижно и скорбно, как на похоронах, наблюдая как сотоварищи и "главный", чуть зажмурив глаза, одобрительно кивали головами, поочередно поднимая вверх большой палец то правой, то левой руки ("Левша!" — подумал Штирлиц").

Неожиданно для всех из шеренги вышел маленький мальчик и очень громко, чеканя каждое слово и старательно выговаривая букву "р", произнес: "Александр Сергеевич Пушкин! У лукоморья дуб зеленый!" И начался известный стихотворный рассказ об ученом мурлыке-сказочнике, искусно владеющем эстрадным разговорным жанром, да и обо всем остальном, что хорошо известно каждому из нас с детства.

"Главный" и сотоварищи некоторое время обалдело смотрели на малыша, с трудом соображая, что же, в конце концов, происходит. Наконец "главный" зычно скомандовал в блестящий жестяной рупор, услужливо переданный ему одним из сотоварищей: "Наталья Петровна! Успокойте мальчика!" Малыша с большим трудом угомонили и аккуратно, как музейный экспонат, водрузили на старое место в шеренгу. На какое-то время в барак наступила тягостная тишина.

— Все! — опять раздался тот же противный голос. — Можете идти!

Шеренга неудачников, подымая клубы барачной пыли, уныло двинулась к выходу на свежий воздух. А на роль "юнгипартизана" отобрали того самого — чубатого! — паренка и невестку каким образом затесавшуюся в "хор мальчишек" единственную девочку.

— Ну что? — нетерпеливо спросила бабушка, караулившая меня у входа в барак.

— Не взяли, — едва не плача, чуть слышно ответил я, хотя из-за всех сил старался изобразить из себя беззаботного рубаху-парня, равнодушного ко всяким жизненным неурядицам.

— Не взяли? — изумилась бабушка. — Как это не взяли? Да я сейчас...

Мимо нас с каменным лицом прошла ассистент кинорежиссера Наталья Петровна.

— Безобразие! — громко сказала бабушка ей вслед. — Отвлекают детей от каникул! Жаловаться на них надо!

— Ну, Софочка! Перестань! — снисходительно и нараспев успокаивает какую-то заплаканную мамашу солидный мужчина, бросая выразительные взгляды по сторонам, как бы приглашая всех на проводимый им мастер-класс по курсу "Знание жизни". — Я же тебе говорил, что берут только своих!.. Только своих!..

Весь обратный путь бабушка Женя хранила глубокое молчание, полное благородного гнева на моих "обидчиков". И вот мы уже дома.

— Ну что, артист? — чуть-чуть насмешливо, но со скрытой надеждой спросила меня мама, раскатывавшая на обеденном столе тесто для вареников.

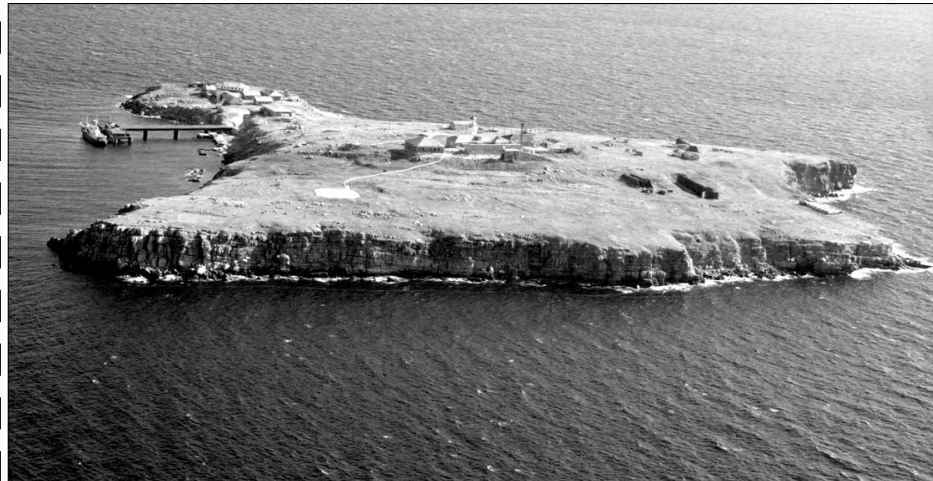
— Не взяли, гады! — сказал я, стуча зубами от неведомо откуда взявшегося озноба. — Берут только своих!..

Мне почему-то вспомнилась газировка с двойным сиропом "крем-сода", которую я в выходной пил в сквере на Соборной площади. Мои губы тогда безуспешно пытались поймать сладкую пенку сиропа, а она с брызгами и шипением все убежала и убежала от них, пока совсем не исчезла на дне стакана. И уткнувшись в материнские колени, я горько-прегорько заплакал.

А компенсацией мне за испорченное в этот день настроение были глубокая тарелка вкусного украинского борща и миска вареников с творогом.

На следующий день я на какое-то время забыл о своем хождении по мукам за неведомым мне тогда "Оскар" и отправился в Люстдорф на рыбалку со своими друзьями Жориком Косолаповым, Марином Рывкиным и Аликом Бродским. (Хлопцы, где вы? Отзовитесь!) Мы сидели на скалах, удили бычков и полной грудью вдыхали опьянявший нас соленый морской воздух образца пятьдесят четвертого года двадцатого столетия.

Ну, вот и все! Как говорят киношники, "снято!"

ОСТРОВ ЛЕТАЮЩЕЙ ПТИЦЫ

Я мечтал побывать на острове Змеиный почти столько, сколько хорошо себя помню. Дело в том, что мой отец, подполковник Владимир Владимирович, на излете своей многолетней военной судьбы, в самом конце 50-х годов, служил в управлении Одесского района военной гидрографической службы и неоднократно бывал по делам на этом острове. Я почему-то совсем не запомнил деталей его рассказов об этих поездках, но мне врезалось в память, что, обычно весьма сдержанный в проявлении эмоций, он всегда очень восторженно отзывался о Змеином. Еще помню громадную, по крайней мере, для меня, 4- или 5-летнего, рыбку, то ли белугу, то ли севрюгу, которую он как-то привез оттуда. И особенно запомнилось, как отец привез с острова ярко-синие цветы, выкопанные прямо с землей, в которой они росли. Мама, отбросив все правила тогдашнего этикета, поместила их в большую хрустальную ладью, стоявшую, по тогдашней моде, на "горке" (многоярусном посудном шкафу с раздвижными стеклянными дверцами), и они долго еще там стояли; запах мокрой земли и цветов — со Змеино острова! — плывал по нашей квартире и подстегивал мое желание там побывать.

Вот поэтому, когда в составе группы одесских журналистов я подлетал на вертолете к острову Змеиный, это была "сбыча мечты" после сорокачетырехлетнего ожидания!

...Лежащий посреди сверкающего и пустынного васильково-синего моря, медленно приближающийся яркий, зелено-коричнево-серый кусок суши с белым маяком под красной крышей в середине показался мне еще прекраснее, чем я себе представлял. Поразила и форма острова. Когда мы облетали его по кругу, с одной из сторон он четко выглядел, как два соединенных между собой практически равнобедренных треугольника. Один — большой, другой — маленький. И в большом — один, чуть вытянутый в море, угол походил на голову с клювом, а два других угла — на крылья летящей птицы. И самое интересное, что маленький треугольник выглядел, прямо как хвост этой птицы. То, что, как известно, перелетные птицы выбирают Змеиный в качестве места отдыха, наверное, объясняется не только его географическим положением, но и формой. Может быть, это и не научно, но что-то в этом есть!

Вторым чудом острова Змеиный был его воздух, в который мы, можно сказать, "погрузились", едва сойдя с вертолета. Воздух был настолько наполнен и запахом моря, и одновременно запахами земли, травы и камней острова, благо солнце пригревало в этот день почти по-летнему, что, наверное, второго такого "коктейля" не сыщешь на свете. И мне сразу вспомнились те давние синие цветы, которые остро пахли у нас в квартире почти полвека назад!

А третьим чудом этого самого южного уголка Украины стало то, что ни один человек, с кем я успел побеседовать за эти (все-го, увы!) полтора часа пребывания на острове, не выразил ни капли сожаления по поводу своей оторванности от Большой земли.

Единственная из 66 человек населения острова женщина, радиотелеграфист Татьяна Литвиненко, которая вместе с мужем Александром уже почти год несет службу на Змеином, надеется не только благополучно дослужить свои контрактные 3 года, но и продлить этот контракт.

— Я очень люблю море. А здесь его столько и оно такое, какого нет нигде. Единственное "но" — это то, что запросто в гости к родственникам не сходишь, но и тут утешает старая поговорка: "Чем дальше, тем роднее".

Главный же на острове, и. о. начальника пограничной заставы майор Владимир Бур-

лаков реальной тяготой островной службы и жизни считает только однообразие. Любые новые лица с корабля, вертолета дают повод для разговоров на несколько дней. Конечно, телевидение развлекает. Но не будешь же его смотреть целый день...

Сиявшее в голубизне солнце, сверкавшее васильково-синее море, накативавшее мощные волны на 20 — 30-метровые фантастические по красоте, серо-черные каменные утесы берега, и неумолчный легкий посвист ветра, дующего здесь постоянно, создавали ощущение умиротворенности и покоя. Вот бы здесь летом отдохнуть!

Однако "островитяне" быстро, как говорится, "вернули на землю", рассказав, что погода здесь может очень быстро поменяться. С утра она прекрасная, как сейчас, а через час может превратиться в лютый шторм. В качестве иллюстрации показали ползатонувший возле берега остов плавучего крана. В самом начале строительства большого причала на острове команда не успела среагировать на резкую смену погоды, и теперь кран обрел здесь вечную стоянку.

Так что, может, к сожалению, а может, и к счастью, превратить остров Змеиный в "туристический рай", при всех его красотах и чудесах, едва ли удастся. А предстоит ему, вероятно, оставаться самым южным рубежом Украины, где будет воспитываться особое, "островное", чувство ответственности. И, конечно же, маяком и радиолокационным хранителем мореплавателей. И, естественно, как и сейчас, местом работы орнитологов и сейсмологов.

Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.

Единственная на острове Змеиный женщина — радиотелеграфист Татьяна Литвиненко.

Ежеутренняя церемония подъема флага.

Фото автора.

